

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всякую идею обновления, возрождения, восстановления, в каких бы несходных сферах она ни проявлялась, можно свести к понятию «рождения», а последнее, в свою очередь, — к идее «сотворения космоса». Каждая новая весна реактуализирует космогонию, каждый *знак* воскресения растительного мира указывает на полноту вселенского бытия, ведь подобный *знак* (ветка, цветок, животное) торжественно вносится в дом и *выставляется* на всеобщее обозрение как доказательство того, что «пришла весна», причем речь здесь необязательно идет о весне как реальном природном феномене, но о воскресении жизни. Ритуалы, совершаемые по случаю Нового года или наступления весны (поединок Зимы и Весны, изгнание Смерти, «казнь» Зимы или Смерти и т.п.), представляют собой *варианты одного и того же мифа*, восходящего, в свою очередь, к *мифу космогоническому* [Элиаде 2000: 326–327].

Каждый год мир творится заново. Иногда, как, например, в древней Месопотамии, могло иметь место эксплицитное повторение космогонии (торжественная рецитация «Поэмы о творении»). Но даже там, где о воспроизведении творения речь прямо не идет, следы космогонии вполне различимы (погашение и новое зажигание огней, посещение живых умершими, сражения двух враждующих отрядов, инициации, браки, оргии и т.д.). Вероятно, не все новогодние и весенние ритуалы непосредственно связаны с определенным «мифом»; иногда они входят в структуру «боковых», или «параллельных», мифов, где космологическая функция специально не подчеркивается. Однако взятые в целом, все эти сакральные акты или «символы», «знаки», актуализируемые в связи с Новым годом или приходом весны, какую бы природу, ритуальную, мифическую или легендарную, они не имели, обнаруживают общую черту: в них выражается, пусть и с разной интенсивностью, драма творения. В этом отношении все они связаны с космогоническим мифом, хотя во многих случаях речь идет не о «мифах» в собственном смысле слова, но о «знаках» или «ритуалах». Так, «знак», символизирующий приход весны, можно рассматривать в качестве своего рода зашифрованного или концентрированного мифа, поскольку демонстрация этого знака равнозначна вести о творении. Подобно тому как миф в соб-

ственном смысле слова воспроизводит некое образцовое событие (в данном случае — космогонию) вербально, «знак» (здесь — зеленая ветка, животное и др.) воскрешает это событие уже одним фактом своей демонстрации [Там же]. В данной работе приведены примеры, где связь между собственно мифом и другими видами магико-религиозных явлений (которые М. Элиаде называет мифами концентрированными или зашифрованными) предстает со всей очевидностью. В качестве «мифа в собственном смысле слова, вербально воспроизводящего некое событие», мы рассматриваем комплекс текстов о мартовской старухе, а в качестве «знака, воскрешающего данное событие самим фактом своей демонстрации», — мартовскую нить.

В нашем исследовании подробно описаны мифологические представления и обрядовые действия, связанные с началом весны у народов Карпато-Балканского региона. В частности, здесь приводятся инвариант и трансформы легенды о мартовской старухе, анализируются поверья и обряды, связанные с днями, посвященными этому персонажу, а также с такими праздниками, как день Сорока мучеников и Благовещение. В главах, где говорится о представлениях о мартовской старухе и ее днях, рассматривается практически весь ареал распространения представлений об этом персонаже, включающий не только Карпато-Балканский регион, но и значительную часть Западной Европы, Ближнего и Среднего Востока.

Инвариантными для легенды о мартовской старухе являются следующие компоненты: скотоводческая тематика, мотив пренебрежения силами природы со стороны героини (героя) и последующее ее наказание. Для балканских вариантов типичен мотив петрификации старухи-пастушки и ее стада. В румынских вариантах легенды мотив оскорбления месяца, широко распространенный и на Балканах, и в Западной Европе, нередко заменяется оскорблением бога или вообще отсутствует; в большинстве из них нет и мотива «заемных дней». Часто в румынских текстах наличествует дополнительный мотив: мартовская старуха — злая свекровь, которая стремится погубить невестку и дает ей невыполнимые поручения; появляется сверхъестественный помощник, который помогает невестке и обманом заставляет старуху отправиться со стадом на пастбище раньше срока и тем самым губит ее. Религиозная тематика в принципе является наиболее характерной для румынских вариантов легенды о мартовской старухе.

Изоглоссами, объединяющими огромные территории, является обозначение определенных дней ранней весны как «старух», или «ста-

рухиных» дней, и как «заемных» дней. Хрононимы типа «старухи» встречаются у румын (румынская Молдова, Мунтения, Олтения, Трансильвания, Банат), арумын, болгар (области София, Кюстендил), македонцев (окрестности Охрида и Велеса), сербов (Враньский край, Косово), албанцев, берберов (кабилов) в Алжире; хрононимы типа «старухины дни» — у румын (румынская Молдова, Мунтения, Трансильвания, Банат), болгар (Родопы), македонцев (Струга, Гевгелия), сербов (западная Сербия и Лесковацкая Морава), французов, провансальцев, итальянцев, швейцарцев; хрононимы типа «одолженные (дни)» — у румын (Банат), болгар (южная и западная Болгария), македонцев (Скопска Црна Гора, Гевгелийска каза), сербов (восточная и юго-восточная Сербия, Косово), боснийцев (окрестности Високо и Купреса), французов, каталонцев, португальцев, англичан.

Героиня мартовской легенды — старуха — у румын чаще всего именуется *Baba Dochia*. Это имя мотивировано именем святой (Евдокии), день которой приходится на 1 (14) марта. Изредка на восточнороманской территории мартовскую старуху называют *Baba Marta*. Это имя зафиксировано у жителей Мунтении (Телеорман), Бессарабии, у влахов восточной Сербии и северо-западной Болгарии. Имя *Марта* (*Баба Марта*) встречается в фольклорных текстах о мартовской старухе у болгар, македонцев, сербов. Оно сходно или совпадает с названием первого весеннего месяца и сходно с именем *Мара* (*Марена, Морена, Марана, Маржана, Маржсена*) — именем славянского женского божества, связанного с плодородием и смертью, сезонным умиранием и воскресением природы. Римско-италийский бог Марс, которому обязан своим названием март, также связан со сменой времен года и плодородием. В ряде текстов рассматриваемый нами персонаж именуется просто «старухой», в частности у арумын (*moaşa*), греков (*Μπάμπω*), албанцев (*q'aka* — в гегских говорах), итальянцев (*la Vecchia*), провансальцев (*la Vieio*), французов (*la Vieille*).

Большинство наименований мартовской нити перекликается с названием месяца: рум. и молд. *mărțișor*, молд. *mărțișuș*, арум. *m'arțu*, болг. *мартеница, мартеничка, мартичка, мартенича, мартиншора, марта, Баба Марта*, макед. *мартинка, мартинче, марте*, греч. *ου Μαρτ', ου Μαρτ'ς, το Μαρτοάτονο*.

Учитывая то, что период ношения мартовских нитей часто совпадает с днями, посвященными мартовской старухе, и памятуя об утверждении М. Элиаде о том, что *знак* может представлять собой зашифрованный *миф*, можно рассматривать мартовскую нить как зашифрованную

легенду о мартовской старухе. Обычай ношения мартовских нитей у балканских народов, вероятно, развился из обычая украшать двор кусками ткани и предметами одежды красного цвета с целью умилистить мартовскую старуху, которая в ряде случаев воспринималась как персонификация марта. Однако ареал распространения обычая ношения мартовских нитей является значительно более узким, нежели ареал распространения представлений о мартовской старухе. Легенда о мартовской старухе (или сходные с ней легенды) и представления о «старухиных» или «одолженных» днях бытуют и у жителей Карпато-Балканского региона (румын, арумын, молдаван, болгар, македонцев, сербов, черногорцев, боснийцев, словенцев, греков, албанцев, гагаузов, украинцев Карпат, поляков Галиции) и народов Западной Европы и Ближнего Востока (итальянцев, корсиканцев, провансальцев, французов, каталонцев, испанцев, басков, португальцев, жителей Швейцарии, англичан, шотландцев, турок, персов, арабов, берберов). Обычай ношения мартовской нити встречается только у балканских народов — румын, арумын, молдаван, болгар, македонцев, албанцев и греков. Однако можно утверждать, что мартовская нить бытует там, где существуют представления о мартовской старухе.

Пример трансформации легенды о мартовской старухе в фольклоре и литературе приводится на румынском материале. В Румынии встречаются версии этой легенды, героиней которых является не старуха, а девушка, часто — дочь императора, которая отправляется в горы со стадом овец, чтобы спастись от врагов. Таковы, в частности, тексты, записанные в Рымнику-Сэрат (румынская Молдова) и Сучаве (Южная Буковина), повествующие о девушке Докии, которая якобы была дочерью дакийского царя Децебала.

Современное состояние обычая ношения мартовской нити рассмотрено нами на примере двух стран — Румынии и Болгарии. Этот обычай у румын и болгар адаптировался к современным реалиям, органично вписавшись, в частности, в жизнь обитателей больших городов. Функция *оберега* перестала быть основной функцией мартовской нити, уступив место функции *подарка*, знака внимания и доброго отношения. Для румын и болгар этот обычай к тому же стал своего рода символом этнической идентичности (даже в научной литературе иногда утверждаются «эксклюзивные права» собственного этноса на него).